

XXXV годъ изданія.

XXXV годъ изданія.

ТВЕРСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

26 Сентября 1911 года.

Тверской кафедральный соборъ.

ВЫХОДЯТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

по ПОНЕДѢЛЬНИКАМЪ.

Годовая цѣна:

Безъ пересылки 4 р. 50 к.

Съ пересылкою 5 р. 50 к.

№ 39.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦІИ

Епархіальныхъ Вѣдомостей и у
мѣстныхъ благочинныхъ.

ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНАЯ

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе о совершеніи въ ночь подъ Новый годъ торжественныхъ молебствій въ церквахъ. И, по справкѣ, **приказали:** Признавая установившійся въ нѣкоторыхъ епархіяхъ порядокъ совершенія въ ночь подъ Новый годъ торжественныхъ молебствій полезнымъ и имѣющимъ благотворное вліяніе на вѣрующихъ, такъ какъ этими молебствіями православные русскіе люди удерживаются отъ укрѣпившагося, особенно въ городахъ, пагубнаго обычая встрѣчи Новаго года виномъ, плясками и иными увеселеніями, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: въ цѣляхъ болѣе широкой борьбы съ указаннымъ пагубнымъ обычаемъ, благословить повсемѣстное, по мѣрѣ возможности и по просьбамъ прихожанъ, совершеніе означенныхъ молебствій въ ночь подъ Новый годъ въ монастырскихъ, приходскихъ и домовыхъ храмахъ; о чемъ, для объявленія по духовному вѣдомству, послать Московской и Грузино-Имеретинской Святѣйшаго Синода Конторамъ, епархіальнымъ Преосвященнымъ, Протопресвитеру военнаго и морскаго духовенства и Ис. об. завѣдующаго придворнымъ духовенствомъ печатные циркулярные указы. Іюня „6“ дня 1911 года.

На семь указѣ резолюція Его Высокопреосвященства, отъ іюня за № 3628, послѣдовала такая: *„Въ Духовную Консисторію для напечатанія въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ къ свѣдѣнію духовенства епархій.“*

Отношеніе отъ состоящаго подъ **ВЫСОЧАЙШИМЪ** покровительствомъ **ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА** Комитета, по сбору пожертвованій и построенію храма, страннопріимнаго дома при ономъ въ городѣ Бари, на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Архіепископа Тверскаго и Башинскаго, отъ 31 августа 1911 года, за № 16.

Ваше Высокопреосвященство,

Высокопреосвященнѣйшій Владыко и Архипастырь,

По докладу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЬСОЧЕСТВА Великой Княгини ЕЛИСАВЕТЫ ѲЕОДОРОВНЫ, ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было въ 12-й день Мая с. г. учредить при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Православномъ Палестинскомъ Обществѣ Барградскій Комитетъ, съ возложеніемъ на него обязанностей по сооружеіію въ г. Бари, гдѣ почиваютъ мироточивыя мощи Святителя Николая Мирликійскаго, храма во имя Святителя и при немъ страннопріимницы для русскихъ богомольцевъ, при чемъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО соизволилъ осчастливить означенный Комитетъ принятіемъ его подъ Свое **ВЫСОЧАЙШЕЕ** покровительство.

Считая долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Высокопреосвященства о такомъ **МОНАРШЕМЪ** соизволеніи на увѣковѣченіе памяти благоговѣнно чтимаго русскимъ народомъ Святителя Николая въ мѣстѣ нахождения его Святыхъ мощей, позволяю себѣ выразить увѣренность, что Ваше Высокопреосвященство не преминете принять благожелательное участіе въ привлеченіи добротныхъ пожертвованій на нужды Барградскаго Комитета.

Въ надеждѣ встрѣтить въ Васъ полное сочувствіе къ возложеннымъ на Барградскій Комитетъ **ВЫСОЧАЙШЕЮ** волею обязанностямъ, имѣю честь обратиться къ Вашему Высокопреосвященству съ двумя нижеслѣдующими покорнѣйшими просьбами.

а) сдѣлать распоряженіе о напечатаніи прилагаемаго при семъ сообщенія „Отъ Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества“ въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, и

б) предложить, если признаете возможнымъ, извѣстнымъ Вамъ своею христіанскою благотворительностію лицамъ записать въ препровождаемый при семъ сборный листъ № 16 свою посильную лепту на святое дѣло построенія въ Бари русскаго храма.

На семъ отношеніи резолюція Его Высокопреосвященства, отъ 15 сентября 1911 года за № 6320, послѣдовала такая: *„Препровождается въ редакцію Епархіальныхъ Вѣдомостей для напечатанія, съ предложениемъ духовенству епархіи оказать содѣйствіе успешному производству сбора пожертвованій чрезъ произнесеніе соответствующаго содержанія церковныхъ поученій“.*

Отъ Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества.

Въ 1850 году извѣстный русскій паломникъ-писатель А. Н. Муравьевъ возбудилъ вопросъ о возстановленіи развалинъ храма святителя Николая въ Мурахъ Ликійскихъ, гдѣ первоначально почивали его святыя мощи, до перенесенія ихъ въ 1087 г. въ Баръ-градъ, для чего собралъ путемъ пожертвованій средства, на которыя и приобрѣлъ въ Мурахъ Ликійскихъ земельный участокъ вмѣстѣ съ развалинами древняго храма. Благочестивая мысль А. Н. Муравьева встрѣтила повсемѣстно живѣйшій откликъ, послѣдствіемъ чего въ С.-Петербургѣ, на 2-й улицѣ Песковъ, была устроена часовня, обращенная затѣмъ въ Александро-Николаевскую церковь, съ указаніемъ Святѣйшаго Синода обращать сборъ приношеній на возстановленіе храма святителя Николая въ Мурахъ Ликійскихъ.

Не смотря, однако, на собранныя для означенной цѣли средства, осуществленіе мысли А. Н. Муравьева не встрѣтило сочувствія ни со стороны вселенскаго патріарха и писидійскаго митрополита, принявшихъ въ свое вѣдѣніе пріобрѣтенный А. Н. Муравьевымъ земельный участокъ, ни со стороны оттоманскаго правительства, признавашаго, что означенный участокъ не можетъ быть собственностью иностранныхъ учреждений или лицъ.

Неоднократно предпринимавшіяся попытки закрѣпить упомянутый участокъ земли, перешедшій послѣ смерти А. Н. Муравьева сперва къ тещѣ графа Н. П. Игнатьева — княгинѣ А. М. Голицыной, а затѣмъ къ въ Бозѣ почивающему Великому Князю Сергію Александровичу, первому Августѣйшему Предсѣдателю Императорскаго Палестинскаго Православнаго Общества, не достигли цѣли, а капиталъ, собранный на постройку храма, остается и донинѣ неиспользованнымъ.

Въ виду выяснившейся полной невозможности построить русскій храмъ въ Мурахъ Ликійскихъ, Августѣйшій Предсѣдатель Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Феодоровна возбудила вопросъ о сооруженіи храма во имя святителя Николая въ гор. Бари (въ Италіи), гдѣ нынѣ почиваютъ его святыя мощи и куда издавна и въ значительномъ числѣ стекается набожный русскій народъ на поклоненіе святынь. Положеніе здѣсь нашихъ благочестивыхъ паломниковъ настолько затруднительно, что вопросъ о помощи имъ является неотложнымъ. Не зная языка и мѣстныхъ обычаевъ, не имѣя въ Бари русскаго храма и православнаго священника, не находя тамъ даже страннопріимнаго дома, гдѣ бы можно было пріютиться, русскіе паломники попадаютъ въ совершенно безвыходное положеніе, подвергаясь всякаго рода испытаніямъ, нежелательнымъ особенно въ мѣстѣ находженія величайшей святыни русскаго народа,

поклониться которой составляет для многих нерѣдко мечту ихъ жизни.

Такое безпомощное положеніе русскихъ паломниковъ въ Бари давно озабочивало Августѣйшаго Предсѣдателя Палестинскаго Общества, Великую Княгиню Елисавету Теодоровну, и по сему Ея Высочество изволила выразить пожеланіе повергнуть вопросъ о постройкѣ храма имени святителя Николая и при немъ страннопріимнаго дома для русскихъ паломниковъ на благовозрѣніе Его Императорскаго Величества.

Однако, предварительнаго осуществленія таковой мысли и имѣя въ виду, что паломническое движеніе въ Баръ-градъ пріурочивается, главнымъ образомъ, къ паломничеству въ Иерусалимъ, Ея Императорское Высочество признала соотвѣтственнымъ цѣлямъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, дабы Совѣтъ онаго принялъ въ свое вѣдѣніе настоящее дѣло, и вмѣстѣ съ симъ возложила на Совѣтъ Общества порученіе выработать дальнѣйшій планъ дѣйствій въ указанномъ Ея Высочествомъ направленіи и, прежде всего, командировать въ Бари довѣренныхъ лицъ, съ цѣлью выяснить на мѣстѣ возможность осуществленія предполагаемыхъ сооружений и, если представится случай, теперь же пріобрѣсти въ собственность Общества необходимый участокъ земли. Командированнымъ лицамъ удалось вскорѣ пріобрѣсти въ гор. Бари соотвѣтствующій цѣлямъ земельный участокъ, мѣрою болѣе русской десятины, и совершить предварительную запродажную записку, нынѣ закрѣпленную купчею крѣпостью.

Вослѣдовавшій за симъ всеподданнѣйшій докладъ Августѣйшаго Предсѣдателя Палестинскаго Общества, Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Теодоровны, объ учрежденіи особаго Барградскаго комитета для сбора пожертвованій на сооруженіе храма въ гор. Бари и страннопріимнаго дома при немъ удостоился

Всемиловѣйшаго Его Императорскаго Величества утвержденія, при чемъ Государю Императору благоугодно было начертать: „Принимаю его подъ Свое покровительство“.

Въ составъ означеннаго Барградскаго комитета, отнынѣ состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ, входятъ: предсѣдатель—членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, гофмейстеръ князь А. А. Ширинскій-Шихматовъ, товарищъ предсѣдателя—сенаторъ П. И. Остроумовъ; члены: Товарищъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ, камергеръ А. А. Нератовъ, предсѣдатель Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ протоіерей П. И. Соколовъ, академикъ архитектуры М. Т. Преображенскій, протоіерей І. І. Восторговъ и князь Н. Д. Жеваховъ.

Совѣтъ Общества счастливъ довести до свѣдѣнія всѣхъ сочувствующихъ настоящему святому дѣлу, что Государю Императору благоугодно было пожертвовать отъ Имени Его Величества и Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны на постройку церкви и страннопріимнаго дома въ гор. Бари, въ Италіи, десять тысячъ рублей, и что на этотъ же предметъ отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны поступило въ Барградскій комитетъ три тысячи рублей.

Желающіе внести свою лепту на постройку въ гор. Бари храма во имя святителя Николая и страннопріимнаго при немъ дома благоволятъ обращаться въ Барградскій комитетъ, находящійся при Императорскомъ Православномъ Палестинскомъ Обществѣ—въ С.-Петербургѣ, Вознесенскій проспектъ, д. № 36.

Отъ Канцеляріи Тверской Духовной Консисторіи.

Церковь погоста Покровскаго-Новостанскаго, Вышневолоцкаго уѣзда, опредѣленіемъ Епархіальнаго Началь-

ства, состоявшимся 16—17 Августа сего года, перечислена изъ 3-го благочинническаго округа церковей въ 1 округъ того-же уѣзда.

Отъ Тверской Духовной Консистеріи.

Г. Тверской Губернаторъ, отношеніемъ, отъ 31 августа 1911 года, за № 6805, на имя Его Высокопреосвященства, увѣдомилъ, что, согласно письму Предсѣдателя комитета по сбору пожертвованій на сооруженіе храма—памятника надъ могилой русскихъ воиновъ, павшихъ въ бою подъ Лейпцигомъ, Начальника Генеральнаго штаба, Генерала отъ кавалеріи Жилинскаго, 6 августа за № 811, о содѣйствіи успѣху сбора привлеченіемъ къ участию въ немъ представителей и представительницъ мѣстнаго высшаго Общества городовъ Тверской губерніи,—имъ, Г. Тверскимъ Губернаторомъ, предложено Уѣзднымъ Исправникамъ Тверской губерніи и Полиціяместеру г. Твери, по соглашенію съ настоятелями находящихся во ввѣренныхъ имъ районахъ церковей, озаботиться подысканіемъ подходящихъ лицъ, преимущественно изъ высшей среды, которыя согласились бы обойти 26 сентября мѣстные храмы съ блюдомъ для производства сбора.

О вышеизвоженномъ Духовная Консистерія даетъ знать духовенству епархіи къ свѣдѣнію.

Отъ Совѣта Ржевскаго Епархіальнаго женскаго училища.

„Совѣтъ Ржевскаго Епархіальнаго женскаго училища симъ объявляетъ, что въ училищѣ состоитъ вакантною должность помощницы воспитательницъ съ окладомъ жалованья 120 рублей въ годъ. Лица, желающія занять означенное мѣсто, приглашаются подать въ Совѣтъ

училища соответствующее прошение съ приложениями документовъ“.

„Отъ Правленія Бѣжецкаго духовна училища“.

Съ 1-го октября сего 1911 года при Бѣжецкомъ духовномъ училищѣ состоитъ вакантною должность эконома училища съ окладомъ жалованья 200 руб. въ годъ при готовой квартирѣ, отопленіи, освѣщеніи и при ученическомъ столѣ на 4 порціи. Для Правленія училища преимущественно желательно имѣть экономомъ священника, который могъ бы въ воскресные и праздничные дни, а также въ среду и пятницу великаго поста, отправлять въ училищномъ храмѣ богослуженіе. За совершеніе церковныхъ службъ священнику ассигновано съѣздомъ духовенства 150 руб. въ годъ. Прошенія о желаніи занять должность эконома при училищѣ должны быть подаваемы на имя Правленія Бѣжецкаго духовнаго училища.

Кража въ церкви.

Села Ракитни, Ржевскаго уѣзда. Въ ночь на 13 сего сентября неизвѣстные злоумышленники проникли въ церковь погоста Ракитни, взломавъ рѣшетку и раму въ окнѣ—съ сѣверной стороны; въ церкви они сломали свѣчной ящикъ и кружку на сиротъ духовнаго званія и похитили изъ нихъ до 45 рублей. Прежде чѣмъ сломать рѣшетку въ окнѣ, воры сломали замки на дверяхъ съ западной стороны; но отворить дверь не могли. Кража открыта сторожемъ около 2 часовъ ночи, и о ней немедленно сообщено Ржевскому Уѣздному Исправнику.

Покушенія на кражу въ церквахъ.

1) *Села Новоуспенскаго-Зайцева, Ржевскаго уѣзда.* Въ ночь на 8 сентября неизвѣстными злоумышленниками со-

вершено было покушение къ ограбленію церкви Села Новоуспенскаго-Зайцева, Ржевскаго уѣзда. Въ свѣрномъ окнѣ средней части храма злоумышленники долотомъ или стамеской выломали нижнюю петлю и запоръ у открывающейся половины наружной рамы и принесеннымъ отрѣзомъ дерева, въ 6 ар. длиною, намѣревались взломать рѣшетку и проникнуть въ храмъ. Но намѣренію ихъ помѣшалъ церковный сторожъ, который съ десяти часовъ обходилъ церковь ежечасно и производилъ звонъ. О происшедшемъ заявлено мѣстной полиціи, коей и составленъ протоколъ.

2) *Погоста Лаптева, Ржевскаго уѣзда.* Въ ночь на 11 сентября совершено покушение на ограбленію церкви погоста Лаптева. Намѣреваясь проникнуть въ храмъ, злоумышленники сломали два замка у наружной и внутренней дверяхъ; но личину взломать не успѣли, такъ какъ помѣшалъ церковный сторожъ, который обходилъ въ это время церковь; злоумышленники скрылись. О случившемся дано знать мѣстной полиціи.

Содержаніе части официальной. Указъ на имя Его Высокопреосвященства.—Отношеніе на имя Его Высокопреосвященства.—Отъ Совѣта Палестинскаго Общества.—Отъ канцеляріи Тверской духовной консисторіи.—Отъ Тверской духов. консисторіи.—Отъ Совѣта Ржевскаго епарх. женск. учил.—Отъ Правленія Бѣжецкаго духов. учил.—Кража въ церкви.—Покушенія на кражи въ церквахъ.

Исправл. об. редактора, священникъ **В. Струженковъ.**

Печатать дозволяется. 27 сентября 1911 года. Цензоръ ректоръ семинаріи протоіерей *А. Надеждинъ.*

Печатано въ Типографіи Н. М. Родіонова въ Твери.
Трехсвятская улица, домъ В. М. Шкапова.

ТВЕРСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ еженедѣльно по понедѣльникамъ.

26 Сентября 1911 года.

№ 39.

Годъ тридцать пятый.

ЧАСТЬ НЕОФФІЦІАЛЬНАЯ.

Поученіе въ 18 недѣлю.

Наставниче, обноуь всю труждшеся, ничесо же яхомъ. (Лук. 5. 5).

Въ нынѣ прочтенномъ Евангеліи слышимъ: какъ жалуются бѣдные рыбаки— Апостолы Господу на то, что они всю ночь трудились и нисколько не поймали рыбъ: *Наставниче, обноуь всю труждшеся, ничесо же яхомъ.*

Не такъ ли жалуются на свѣтѣ семъ итѣ люди, которые всю жизнь трудятся и ничего, никакого состоянія себѣ не приобрѣтають: *обноуь всю труждшеся, ничесо же яхомъ.*

Жизнь человѣческая подлинно есть темная ночь и вмѣстѣ то безбрежное, волнующееся море, въ которомъ люди, какъ-бы съ завязанными очами, одинъ предъ другимъ, стараются уловить рыбы, ищуть счастья. Но поелику ловля эта производится только въ темноту ношную, при тускломъ свѣтѣ разума, то счастливо производитъ ловлю тотъ, въ чью сѣть случайно попадаетъ рыба. Вотъ почему

тысяча людей повторяютъ: *обнощъ всю труждшеся и ничесо же яхомъ.*

Сколько иной трудится, чтобы сдѣлаться зажиточнымъ купцомъ, хорошимъ ремесленникомъ, искуснымъ юристомъ, порядочнымъ хозяиномъ; но смотритъ, что, не достигши желаемаго, приближается уже къ могилѣ; иной всю жизнь бьется, чтобъ выстроить себѣ приличный домъ или нажить порядочный капиталъ, или дождать услуги отъ дѣтей; и чтожъ? Счастіе, какъ рыба, ускользаетъ изъ его рукъ, — всѣ дѣла какъ-то плохи, домъ подъ залогомъ, капиталъ прожилъ, дѣти или неблагоразумны, или Богъ прибралъ.

Правда, есть и такіе счастливыя, которымъ въ сѣти попадаетъ большая рыба, то есть, иному попадаетъ счастіе въ руки; хоть пополамъ съ грѣхомъ наживаетъ домъ, пріобрѣтаетъ землю, добываетъ чины и обезпечиваетъ себя, по видимому, всѣмъ тѣмъ, что необходимо для благополучія земного; но увь! смотритъ — счастія все нѣтъ! Или жена любимая умерла, или дѣти не растутъ, или выросли да ума не вынесли, или самъ предался пьянству, или враговъ нажилъ, или страстями обзавелся такими, которыя и честь безчестятъ и совѣсть грызутъ, или все, наконецъ, наскучаетъ такъ, что онъ съ прискорбіемъ повторяетъ: *обнощъ всю труждшеся и ничесо же яхомъ.* Подлинно, безъ истинной добродѣтели нѣтъ на землѣ истиннаго счастія.

Послушай, что сказалъ Господь Симону Петру на его жалобу, что рыба не ловится: *поступи во глубину, и вверзите мрежи ваша въ ловитву.*

Поступи и ты, человѣкъ, во глубину моря житейскаго. Удались подалѣе отъ соблазновъ міра, собери свои разсѣянные мысли, углубись въ самого себя, разсмотри, что люди называютъ счастіемъ и подумай, — можетъ быть, изъ — за погони за счастіемъ, за богатствами и земными благами ты давно уже потерялъ совѣсть, потерялъ милость Божію, потерялъ всѣ добродѣтели; можетъ быть,

ты живешь, какъ животное, безъ Бога, безъ вѣры, безъ добродѣтели.

Поступи во глубину. Подумай и о смерти, а это такая глубина, въ которой многіе погибають. Подумай, какъ ты умрешь, какое принесешь покаяніе. А вѣдь ты, быть можетъ, доселѣ истинно и не каляся, — можетъ быть, такъ и умрешь безъ покаянія.

Поступи во глубину: подумай о судѣ Божиємъ, на которомъ стануть разбирать грѣхи твоей совѣсти и твои дѣла, и на которомъ отъ всевидящаго ока Божія ничто не укроется.

Поступи во глубину: заглянь и во глубину адову, — да, тамъ-то глубина!.. и вѣчность—глубина, и муки—глубина, и неизъяснимый страхъ, и скрежетъ зубовъ, и демоны, и пламень огненный, и все, все!.. Не хочешь туда засматривать? Нѣтъ, засматривай и ужасайся, и кайся.

Не даромъ *поступи во глубину, но сверзи мрежи твои въ ловитву.* Заглянь въ книгу живота, во святое Евангеліе, прочти оное не разъ и не два, но много разъ, чтобы тебѣ уразумѣть: такъ ли надобно жить христіанину, какъ ты живешь.

Сверзи мрежи твои въ ловитву. Не извиняйся худыми привычками, дуными примѣрами, обычаями, поломъ и возрастомъ, — лови царствіе небесное, пока ты живъ, пока все въ твоихъ рукахъ, въ твоей волѣ; а когда смерть накроетъ, тогда поздно будетъ. Тогда напрасно будешь приносить жалобу: „Наставникъ! я промучился всю ночь жизни и ничего не поймалъ“. Никто тогда не услышитъ твоихъ жалобъ. Развѣ только Господь спроситъ тебя: „а почему ты, по слову моему, не поступилъ во глубину и не закинулъ сѣти свои?.. *Взалкахся и не дасте ми ясти: возждахся, и не напоисте Мене: страненъ бѣхъ, и не введосте Мене: нагъ и не одѣясте Мене: боленъ, и въ темницѣ, и не поспѣтисте Мене.* (Мѡ. 26. 42—43). *Идите отъ Мене...*

Удерживаю уста мои отъ проклятія, которымъ Господь поразить тогда грѣшниковъ. Аминь.

Пчела.

ПОДВИГЪ

(повѣсть изъ быта духовенства).

(Продолженіе).

IX.

Рѣшеніе о. Григорія не ходить по приходу, если не уберутъ пьяныхъ, произвело въ селѣ сильное волненіе и разнообразныя толки. Въ особенности сильно возбуждены были бабы; онѣ, на чемъ свѣтъ, ругали мужиковъ — пьяницъ. Впрочемъ, онѣ осуждали и священника.

— Слышали, Терентій Ивановичъ, што батька-то выдумалъ? — скороговоркой спрашивалъ на ходу Чумакова сторожъ Софонъ, трусившій по средней улицѣ.

— Нѣтъ, а въ чемъ дѣло? съ живымъ любопытствомъ произнесъ тотъ, только что проснувшійся и выглядывавшій изъ окна.

— Да баетъ: коли пьяныхъ не уберете, то и съ молебномъ не пойду!

— Неужели?

— Вотъ лопни мои глаза, правда!

— Кому же онъ сказалъ такъ?

— Вашему шурину — Егору Степанычу. За нимъ я и бѣгаль давеча. Онъ и таперича, должно, у попа еще!

По лицу Чумакова пробѣжала злорадная усмѣшка. Въ его головѣ быстро созрѣлъ планъ, какъ можно использовать представившійся случай, чтобы отомстить невинистному причту. — „Ну-съ, теперь мы вашего брата здорово проучимъ“, — мысленно обращаясь къ причту, думалъ Терентій Ивановичъ: — „научитесь, какъ нужно служить намъ“.

— А ты куда теперь бѣжишь?—спросилъ онъ сторожа.
— Егоръ Степановичъ велѣлъ мнѣ народъ на сходку нарядить. Двѣ улицы обѣжалъ, таперича въ Сидорову слободку надоть бѣжать.

— Иди ко мнѣ: выпьешь для праздника.

— Премного благодарны вашей милости!—говорилъ Софонъ, очень обрадовавшійся тому, что богачъ приглашаетъ къ себѣ выпить и въ тоже время сильно удивившійся чести, которой ни разу еще не удостоивался отъ Чумакова.

— Заходи, заходи!--сказалъ Терентій Ивановичъ и скрылся въ окнѣ. Угостивъ Софона тремя стаканчиками водки и долей сдобнаго пирога, Чумаковъ вышелъ на улицу и усѣлся на скамейку въ своемъ садикѣ у дома.

— Ты что это лыбишь-то?—спрашивалъ онъ входящаго въ садикъ шурина.

— Любо больно!—отвѣчалъ тотъ, загадочно улыбаясь и здороваясь.

— Чего тебѣ любо-то?

— Да какъ же! ужъ очень здорову кашу заварилъ новый попъ!

— Въ чемъ дѣло, расскажи!—притворяясь ничего не слышавшимъ, спрашивалъ Чумаковъ.

— А дѣло вотъ какое. Попъ нынче утромъ призвалъ меня къ себѣ и говорить:--“собери сходку и объяви, что ежели я въ какомъ домѣ или на улицѣ встрѣчу пьяныхъ, то ни за что ходить по приходу не буду“.

— Ну!? такъ и сказалъ?

— Нда-съ!--подтвердилъ Зайцевъ, закуривая папироску.

— Хорошо-съ!--ехидно произнесъ Чумаковъ:--въ нашей наукѣ не бывалъ, такъ побываетъ! мы ему спѣсь-то сшибемъ! Эка, подумаешь, важная персона! Какіе еще выдумалъ капризы справлять!

— Я вотъ и пришелъ къ тебѣ: посовѣтуй, что дѣлать? какой, стало быть, линіи держаться?

— А вотъ что дѣлать! — началъ Терентій Ивановичъ, ударяя по колѣнкѣ кулакомъ въ тактъ съ логическими удареніями каждой фразы:— прежде всего уברי пьяныхъ, а потомъ склони крестьянъ, чтобы они уговорились платить за молебень по 2 копѣйки, а кто заплатитъ больше, съ того штрафъ— одно ведро водки. Ладно?— весело воскликнулъ на послѣднемъ словѣ Чумаковъ, хлопнувъ шурина по плечу.

— Лучше и быть не надо! Такъ и устроимъ!— Съ этими словами Зайцевъ отправился на сходку къ судной избѣ.

Сельскіе сходчики, въ ожиданіи старосты, расположились— кто подъ окнами судной избы, кто противъ нея на лужайкѣ и оживленно обсуждали рѣшеніе священника.

Придя на сходку, Зайцевъ медленно и важно надѣлъ на себя мѣдный начальнической знакъ и многозначительно, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, обвелъ глазами сходчиковъ, образовавшихъ тѣмъ временемъ около старосты громадный кругъ.

— Православные!— началъ староста громко, но монотонно:— священникъ велѣлъ передать вамъ, што-бы, значить, вы убрали всѣхъ пьяныхъ, а ежели онъ встрѣтитъ, хоша бы одного пьянаго, то и ходить съ молебномъ не будетъ.

— Эфто што за новости?— Крикнулъ кто-то изъ толпы.

— Пусть не ходитъ! не нуждаемся!-- добавилъ еще кто-то.

— Ты што-ли, пьяная творяя харя, не нуждаешься?— возражали на это многіе.

— Давайте распорядимтесь, штобы, значить, пьяныхъ прибрали!-- раздавалось кругомъ.

Но потомъ поднялся такой невообразимый гамъ, что совершенно нельзя было понять, кто и что говорилъ. Староста сѣлъ подъ окнами судной избы и подъ шумокъ подзывалъ къ себѣ то одного „горлана“, то другого. И

все время, пока сходчики, разбившись на небольшія группы, спорили и ругались между собой, Зайцевъ велъ отдѣльныя бесѣды съ „горланами“.

И вотъ, когда мужички, накричавшись до-сыта, до хрипоты, начали стихать, и большинство перешло уже къ обсужденію другихъ вопросовъ, выступили со своими рѣчами мірскіе горланы. „Эти заправилы общества переходили отъ одной группы сходчиковъ къ другой и усиленно проводили „линію“ Зайцева. Снова начался гвалтъ. Опять разгорѣлись страсти. Староста по-прежнему сидѣлъ въ сторонкѣ, какъ будто и не интересовался происходящимъ, но съ видомъ скучающаго лишь попыхивалъ папирской.

Мало-по-малу и этотъ разгаръ страстей утихъ. Сходчики до-нельзя утомились. Этого момента только и ждалъ староста.

— Ну, што-же, православные? на чемъ, стало быть, усовѣтовались?— обратился онъ къ сходу.

— Пусть не ходитъ!—раздалось съ одной стороны.

— За молебень убавить ему!—неслось съ другой.

— Да, да! за молебень убавить!—раздалось кругомъ.

— 2 копѣйки съ дому!—предложилъ кто-то.

— И будетъ съ него!—поддерживали многіе.

— А ладно-ли эфто будетъ?—покрывая гамъ, зычнымъ голосомъ заговорилъ Зайцевъ:—чево бы, братцы, не вышло!

— Ладно будетъ!—отвѣчали сходчики.

— Смотрите, православные!—оралъ Зайцевъ:—какъ бы обиды какой не вышло!

— Эфто наше дѣло! мы въ отвѣтѣ, а не ты!—кричали сходчики.

— Конечно, мое дѣло—сторона! я міру не супротивникъ, а все-жъ таки не совѣтывалъ бы молодого священника обижать!—по-прежнему зычно выкрикивалъ староста:—одумайтесь, православные!

— Нечего тутъ одумываться! — кричали въ отвѣтъ: — какъ сходка порѣшила, такъ тому и быть!

— Ну, а на счетъ пьяныхъ какъ быть? — спрашивалъ Зайцевъ.

— Пьяныхъ убраться! — слѣдовалъ многоустый отвѣтъ.

— А какъ быть съ тѣми, кто за молебень дастъ больше 2-хъ копѣекъ? — снова задалъ вопросъ староста.

— Съ тѣхъ ведро водки штрафу! — кричали одни.

— Мало ведра! два ведра! — кричали другіе.

— Однава полно! — рѣшало большинство.

— Стало быть, православные, пьяныхъ убраться, за молебень 2 копѣйки, а съ ослушниковъ штрафъ въ одно ведро. Такъ ли? — спрашивалъ староста.

— Такъ, такъ! — загудѣла сходка.

Послѣ этого сходчики поручили церковному старостѣ, который обыкновенно ходить по приходу вмѣстѣ съ причтомъ, строго слѣдить, чтобы за молебень болѣе 2 коп. никто не давалъ, а кто дастъ больше, о тѣхъ сказать сельскому старостѣ.

И такъ планъ Чумакова осуществился. Да въ этомъ Терентій Ивановичъ и не сомнѣвался. Такія-ли дѣла обдѣлывалъ онъ, пользуясь отрицательными сторонами общинной жизни? Каждый мірекой хищникъ, въ родѣ Чумакова, можетъ добиться отъ общины чего угодно. Весь секретъ такого вліянія на общину заключается въ томъ, чтобы умѣть ладить и жить въ добромъ согласіи съ деревенскими „горланами“. „Горланы — “это наиболѣе безстыжіе и назойливые мужики. Про нихъ крестьяне говорятъ, что „горланы Бога не боятся и людей не стыдятся“. Эти люди способны на какое-угодно преступленіе. Чумаковы боятся „горлановъ“ и стараются съ ними ладить, что легко удается при помощи водки. Еще болѣе боятся „горлановъ“ рядовые крестьяне. Эти, во избѣжаніе непріятностей, или молчатъ на сельскихъ сходахъ, предоставляя „горланамъ“ вершить мірекія дѣла, или-же стара-

ются по возможности не бывать на сходахъ. Такимъ образомъ, въ нашей деревенской жизни общинное самоуправленіе существуетъ лишь de jure, а de facto оно свелось къ деспотическому владычеству богачей, при помощи „горлановъ“ захватившихъ темное и невѣжественное крестьянство въ свои цапкія лапы. Кто долго жилъ въ деревнѣ, тотъ знаетъ, какія беззаконія и насилія творятся въ ней подъ видомъ соблюденія формальной законности. Возьмемъ примѣръ. Вотъ горсть „міроѣдовъ“ или „горлановъ“, человѣкъ такъ 10 или 15, рѣшили провести на сходѣ какой-нибудь важный въ сельской жизни и подлежащій компетенціи схода вопросъ. Допустимъ, что данная община противъ „міроѣдовъ“ по данному вопросу. И что-же? Заправила общины, ничтоже сумняся, пишутъ приговоръ, подписываются къ нему, а затѣмъ, переписавъ фамиліи отсутствующихъ на сходѣ и всѣхъ безграмотныхъ, поручаютъ кому-нибудь изъ своей среды расписаться за тѣхъ и другихъ, какъ за безграмотныхъ. И все это беззаконіе скрѣпляется подписью и печатью старосты, вводится въ волостную книгу приговоровъ и, наконецъ, утверждается земскимъ начальникомъ. Конечно, крестьяне могли бы легко разоблачать такія дѣянія „горлановъ“, но не рѣшаются: всякому, кто осмѣлится донести на „горлановъ“, придется горько потомъ раскаяться. Во власти „горлановъ“ тысячи средствъ, при помощи которыхъ они сживутъ со свѣта того, кто вздумалъ бы на нихъ донести.

Х.

Когда причтъ явился въ село, пьяныхъ, дѣйствительно, не оказалось. По порядку молебны начались съ того крестьянина, который вчера у сторожки такъ горячо заступался за новаго священника. Это былъ трезвый, богомольный и, вообще, порядочный крестьянинъ.

Послѣ молебна о. Григорій ласково поздравилъ съ праздникомъ хозяина и хозяйку.

— Премного благодарны, дорогой батюшка! — говорили тѣ, какъ-то сконфуженно переминаясь съ ноги на ногу. Хозяинъ молча и долго рылся въ карманѣ.

— Простите, дорогой батюшка! наконецъ сказалъ онъ, вынимая изъ кармана 2 копѣйки и подавая священнику: — наши мошенники, вишь, на сходкѣ постановили не давать болѣе семитки.

— И на томъ спасибо! — улыбаясь, отвѣтилъ о. Григорій, направляясь къ выходу.

О. дьяконъ и псаломщикъ тревожно переглянулись. Первый сильно поблѣднѣлъ, второй сердито крикнулъ.

— Эхъ, вы! — укоризненно махнувъ рукой, проговорилъ Прокофѣичъ.

— Прокофѣичъ, родимый ты мой! — сказала хозяйка: — што подѣлаешь съ подлецами-то нашими?! самъ знаешь, какъ супротивничать міру-то! житья, вѣдь, не будетъ.

— Подлецы! злобно ворчалъ старикъ, уходя: — нищему больше даете!

Въ слѣдующемъ хозяинъ, — самый заядлый „горланъ“, Кузьма Парахинъ — не утерпѣлъ, чтобы не сказать дерзости.

— Отецъ духовный, — не отвѣчая на привѣтствіе священника: — вотъ вамъ за работу семитка! нужно бы, какъ по-прежнему, побольше дать, да, думаю, и эфтого довольно, потомушто, значить, товару-то вашего немного пошло на молебень-то!

— Можетъ быть, — кротко улыбаясь, спросилъ о. Григорій: — и этихъ денегъ тебѣ жалко? въ такомъ случаѣ я не возьму.

— Чаво семитку жалѣть! нищему, значить, не меньше иной разъ даемъ, а васъ, видишь ты, здѣсь трое, да дома ртовъ до десятка сидить!

— А если ты денегъ этихъ не жалѣешь — сказалъ о. Григорій: — то зачѣмъ же разговоръ-то началъ? посмѣяться надъ служителями Христовыми?

— А хоша бы и такъ! — нагло глядя на священника, произнесъ „горланъ“.

— А ты ужь не дури!—огрызнулась на него жена.

— Прости насъ, дорогой батюшка!—обратилась она къ о. Григорью:—не смѣемъ больше семитки дать-то! мѣръ, вишь, не велѣлы!

— Што мнѣ мѣръ-то!?!—заораль мужикъ на бабу:—захочу рублевку дать и дамъ! Только не эфтому попу! не стоитъ онъ! а то, —мѣръ, мѣръ! —передразнивалъ онъ жену.

О. Григорій поглядѣлъ на мужика, покачалъ головой и вышелъ.

— Ээ! песь драный!—набросилась на мужика баба:—душегубъ мѣрской! Што-бъ тебя черти драли!

— Замолчи, собака!—раздавалось сзади причта:—я те чѣмъ попало такъ и хвачу!

— О. дьяконъ!—говорилъ о. Григорій, входя въ слѣдующій дворъ:—а гдѣ же староста? почему онъ не ходитъ?

— Не знаю, батюшка!—отвѣчалъ о. дьяконъ.

— Пошлите за нимъ!—продолжалъ священникъ:—можетъ быть, онъ вовсе и не знаетъ, что мы уже ходимъ.

— Батюшка!—заговорилъ Прокофьичъ:—позвольте, я схожу за старостой! а потомъ ужь увольте меня отъ хожденія по приходу!

— Почему же вы не можете ходить?—спросилъ о. Григорій.

— Голова очень болитъ, —отвѣчалъ тотъ, видимо притворяясь.

— Въ такомъ случаѣ можете не ходить; а старосту пожалуйста извѣстите!—говорилъ священникъ, стоя въ переднемъ углу противъ образовъ.

— А вонъ его помощникъ идетъ!—сказалъ о. дьяконъ, смотря въ окно.

И въ этомъ домѣ, какъ въ первомъ, хозяева извинялись за „семитку“ и просили прощенья.

— А почему же самъ не пошелъ? спрашивалъ помощника старосты, знакомаго намъ Спиридона Ульяныча, — о. дьяконъ.

— А съ бабой у нихъ что-то вышло!—сухо отвѣчалъ тотъ.

До поздняго вечера служилъ о. Григорій молебны и вездѣ получалъ одну и ту же плату—2 копѣйки. Между прочимъ, въ домѣ Чумакова хозяева не вышли къ молебну, но выслали 2 копѣйки съ сыномъ, лѣтъ 9.

Грустно и больно было о. Григорію сознавать, что надъ нимъ и его причтомъ такъ зло надругались крестьяне.

Софья Петровна все узнала еще днемъ отъ дьяконицы, къ которой ходила чай пить.

— Вотъ, Гриша!—съ такими словами встрѣтила она мужа:—говорила я тебѣ, что твое рѣшеніе было рискованнымъ? и слова мои оправдались! ты только возстановилъ противъ себя прихожанъ!

— Дорогая Соня!—грустнымъ тономъ заговорилъ о. Григорій:—моя совѣсть чиста; я поступилъ такъ, какъ и нужно было поступить. А чтобы причтъ на меня не обижался, то съ нынѣшняго же дня весь доходъ я буду дѣлить на три части, т. е. по равной долѣ каждому. Ты противъ этого ничего не имѣешь?

— А чѣмъ же, Гриша, жить то мы будемъ?

— Да, вѣдь, того справедливость требуетъ! горячо воскликнулъ о. Григорій.

— Посуди сама! продолжалъ онъ:—чего ради священникъ получаетъ изъ дохода три доли, дьяконъ двѣ и псаломщикъ одну? Развѣ не всѣ они одинаково имѣютъ семьи? Развѣ не всѣ они одинаково трудятся? Священникъ долженъ быть доволенъ той честью, какая достается ему, какъ настоятелю и отцу духовному. Помоему такое распредѣленіе дохода очень и очень несправедливо.

— Я согласна съ тобой,—возражала Софья Петровна:—что распредѣленіе дохода между членами причта несправедливо. Все-таки, я думаю, и поровну дѣлить доходъ—то-же несправедливо. Вѣдь у образованнаго чело-

вѣка, каковымъ является всякій священникъ, и потребности другія, чѣмъ у малоразвитыхъ членовъ причта—діаконовъ и псаломщиковъ. По-моему каждый доходный рубль должно дѣлить такъ: 2 доли священнику, $1\frac{1}{2}$ діакону и 1 псаломщику, т. е. первому...—И Софья Петровна, взявъ клочекъ бумажки и карандашъ, занялась ариѳметическими вычисленіями.

О. Григорій, съ улыбкой взглянувъ на жену, началъ ходить по залу.

— Вотъ,— читая по бумажкѣ, начала молодая женщина:—священнику изъ рубля $44\frac{4}{9}$ коп., діакону $33\frac{3}{9}$ коп., псаломщику $22\frac{2}{9}$ копѣйки. И это, по моему мнѣнію, вполне справедливо. Такой дѣлежъ я и совѣтую тебѣ ввести теперь же.

— Оставь, Соня!—разсмѣявшись сказалъ мужъ:—этотъ дѣлежъ только обидитъ о. дьякона;—„вотъ, скажетъ онъ:—безсемейный псаломщикъ получилъ за что-то прибавку, а мнѣ ея нѣтъ“!

— Ты у меня—добрая!—ласково продолжалъ онъ:—ужь позволь мнѣ дѣлить доходъ по равной долѣ! По крайней мѣрѣ, никому изъ насъ обидно не будетъ.

— Ну, дѣлай, какъ знаешь!—обиженно сказала Софья Петровна:—я нужды боюсь, Гриша,—уже ласково добавила она, немного помолчавъ. Въ голосѣ ея почувствовались слезы.

— Дорогая моя!—останавливаясь противъ жены, съ нѣжностью заговорилъ о. Григорій:—я обидѣлъ тебя?

— Нѣтъ,—уже расплакавшись, отвѣчала та:—меня съ утра нынче тоска какая-то одолеваетъ! словно бѣду какую сердце предчувствуетъ...—и она залилась слезами...

XI.

Былъ воскресный день въ половинѣ іюля. Погода стояла холодная и дождливая, скорѣе похожая на осеннюю, чѣмъ на лѣтнюю. Большинство богородскихъ му-

жичковъ сидѣло въ трактирѣ. Кто позажиточнѣе, водку пили и закусывали; бѣдняки чай пили или такъ сидѣли, занимаясь разговорами и съ завистью посматривая на угощающихся. Въ обширной, но низкой комнатѣ съ небольшими окнами стоялъ густой чадъ — смѣсь табачнаго дыма и пара, валившаго изъ куба. Сырой грязный полъ былъ посыпанъ древесными опилками. Воздухъ былъ спертъ и до того испорченъ разнаго рода запахами, что у свѣжаго человѣка, непривыкшаго къ кабацкой атмосферѣ, появлялись головныя боли или тошнота. Позади буфета имѣлась для чистой публики небольшая, но опрятная по внѣшности и убранству комнатка, или „кабинетъ“, какъ громко величалъ ее содержатель трактира. „Кабинетъ“ отдѣлялся отъ общей залы тоненькой наживую сколоченной перегородкой. Въ этой комнаткѣ сидѣли въ описываемое нами время: Чумаковъ, Зайцевъ, Семень Лукичъ, Спиридонъ Ульянычъ и самъ трактирщикъ, молодой, безбородый и безусый мужчина лѣтъ 35. У трактирщика было продолговатое изъ-желта блѣдное лицо, сильно подавшееся своей нижней частью впередъ, а кривой и длинный грушевидный носъ приходился чуть ли не въ перпендикулярномъ положеніи по отношенію къ высокому конусообразному лбу; безцвѣтные мутные глаза близко сошлись у переносья. О плутняхъ, нахальствѣ и жадности Прохора Ивановича Каплунова, — такъ звали трактирщика, — въ народѣ ходили самые возмутительные рассказы. — „Ну и шельма же Каплуновъ!“ — говорили про него: — „кого хошь обошьетъ! не гляди, что мокрымъ теленкомъ выглядываетъ!“

— Наконецъ, у меня, господа, всякое терпѣнье лопаетъ! — говорилъ Чумаковъ, стукнувъ пивнымъ стаканомъ по столу: — на чемъ же мы порѣшимъ?

— Все дѣло вотъ за нимъ! — недовольнымъ тономъ произнесъ Зайцевъ, кивая головой на Каплунова.

— Какова черта! — ругнулся трактирщикъ: — ужь очинно здорово вы дерете съ меня!

— Два ведра-то много?— съ сердцемъ прикрикнулъ Чумаковъ:— вѣдь и мы всѣ по два даемъ!

— Терентій Ивановичъ!-- подобострастно теноркомъ началъ Каплуновъ:— да чего ради я долженъ жертвовать цѣлыхъ два ведра водки? што мнѣ за-обязанность такая?

— Эка жадѣга!-- всплеснувъ руками, презрительно сказалъ Зайцевъ.

— Такъ и не дашь?— строго спросилъ Чумаковъ трактирщика.

— Да объясните пожалуйста!-- жалобно пищалъ Каплуновъ:— почему я долженъ жертвовать?

— Объяснить?— съ раздраженіемъ крикнулъ Чумаковъ:— а вотъ почему! изволь—объясню! если ты не хочешь меня уважить, то на слѣдующій годъ кабака тебѣ не сдадутъ! Вотъ тебѣ и объясненіе!

— За что же, Терентій Ивановичъ, такая немилость отъ васъ?—еще жалобнѣе пищалъ Каплуновъ, видимо струсившій.

— За твою жадность, скотина!--сквозь зубы процѣдилъ мѣстный воротила.

— Вотъ што,—заискивающе началъ трактирщикъ, откупоривая новую бутылку пива:— ужъ развѣ только Терентія Ивановича уважить! дѣлать нечего! согласенъ и на два ведра. Ради Терентія Ивановича я и 3-хъ ведеръ не пожалѣю.

— А самъ столько время упирался!--укоризненно качая головой, произнесъ Спиридонъ Ульянычъ.

— Да, милый мой,—обращаясь къ послѣднему, оправдывался Каплуновъ:—што мнѣ за-дѣло до попа? хорошь ли онъ, худъ-ли, а мнѣ што?

— Ежели ты—добрый христіанинъ:—началъ ораторствовать Спиридонъ Ульянычъ:—то какъ же ты не брешешь о дѣлѣ Божіемъ? Господу изволися, по Его, значить попушенію, къ намъ въ пастыри попалъ сущій мысленный волкъ, облеченный въ шкуру, аки агнчу!

И оный волкъ распутить словесныя овцы нашего прихода, ежели мы по нашему нерадѣнію будемъ спать духовнымъ сномъ! Да не будетъ сего! — торжественнымъ голосомъ воскликнулъ ораторъ.

— Э, милый, Спиридонъ Ульянычъ! — притворно-ласково отвѣчалъ трактирщикъ: — ты свои сказочки-то рассказывай бабамъ да дуракамъ, а не намъ! Мы кой-что тоже знаемъ! Не вамъ бы говорить, не намъ бы ваши рѣчи слушать!

— А ты что знаешь? — запальчиво воскликнулъ помощникъ церковнаго старосты; онъ былъ крайне удивленъ отвѣтомъ трактирщика, который всегда былъ, — конечно, по-наружности, — внѣшне-благочестивымъ.

— Мало-ли мы что знаемъ! — уклончиво говорилъ тотъ, разливая въ стаканы гостей пиво.

— А ты не виляй! — говори прямо! — приставалъ начетчикъ.

— Развѣ я тебѣ не сказалъ, што ты сказки рассказываешь?! — въ упоръ смотря въ глаза начетчика, прежнимъ ласково-притворнымъ тономъ произнесъ Каплуновъ.

— Это насчетъ чего сказочки-то? уже горячился Спиридонъ Ульянычъ.

— Да насчетъ, значить, мысленнаго волка-то! — тихо фыркая, отвѣчалъ трактирщикъ.

— Сирѣчь діавола?!

— Такъ точно, милый!

— И по-твоему діавола нѣтъ!? — въ изумленіи воскликнулъ Спиридонъ Ульянычъ.

— А ты думалъ, онъ есть?! — насмѣшливо говорилъ Каплуновъ: — нѣту его, мой милый! нѣту, дорогой мой! Эфто все бабы сказочки!

— А писаніе что глаголетъ? — строго спросилъ начетчикъ.

— Писаніе-то? — переспросилъ Каплуновъ: — какое? нонѣ этихъ писаній-то много! По нонѣшнему писанью-то выходитъ, что и Бога-то нѣтъ!

— Безумецъ!—въ ужасѣ воскликнулъ Спиридонъ Ульянычъ:—загради своя уста! какъ ты смѣлъ сіе возглаголати? вотъ ужъ истину рекъ Св. Давидъ: „рече безумень въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ“. Помни: поразить тебя Богъ за хулу сію!

— Не запугаешь, милый! не запугаешь, дорогой мой!—насмѣшливо говорилъ трактирщикъ.

— А коли такъ,—поднимаясь съ мѣста, заговорилъ въ раздраженіи начетчикъ:—отрясаю прахъ отъ ногъ своихъ! и ты будешь отнынѣ для меня, аки язычникъ и мытарь!

— А за симъ просимъ прощенія!—произнесъ онъ, кланяясь присутствующимъ и направляясь къ двери.

— А на два ведра денъги-то?—спросилъ его Чумаковъ.

Но Спиридонъ Ульянычъ ничего не отвѣтилъ и вышелъ. Его до крайности удивило и то обстоятельство, что во время спора съ Каплуновымъ Чумаковъ не только не вступился за него, начетчика, но то и дѣло смѣялся надъ его словами; а примѣру Чумакова слѣдовали и всѣ остальные,—однимъ словомъ Спиридонъ Ульянычъ къ ужасу своему почувствовалъ въ первый разъ за свою жизнь, что его авторитетъ, какъ начетчика, среди мѣстныхъ богачей сильно пошатнулся.—„Послѣднія времена приходятъ,“—то и дѣло повторялъ онъ вслухъ, идя домой. Послѣ этого и темой его разсужденій чаще всего являлось обличеніе невѣровъ.

— И охота тебѣ была спорить съ дуракомъ!—недовольнымъ тономъ сказалъ Чумаковъ, когда ушелъ начетчикъ:—вотъ и нужно съ тебя еще два ведра за это содрать!

— Все съ меня, да съ меня!—говорилъ трактирщикъ:—а по моему церковное дѣло должно и дѣлаться на церковный счетъ! Почему бы Семену Лукичу не дать на эфтогъ предметъ рубликовъ хоша десять изъ церковныхъ денегъ! А?

— А онъ, вѣдь, правду говорить! — съ восхищеніемъ воскликнулъ Чумаковъ: — ну, братецъ мой! — обратился онъ къ Каплунову: — у тебя башка вѣсьмъ башкамъ — башка! Какъ это мы раньше-то не догадались? И въ самомъ, дѣлѣ, вѣдь церковныя деньги — наши деньги! А неподходящаго нашему приходу попа и нужно выпереть при помощи церковно-приходскихъ денегъ! — послѣднія слова были обращены цѣликомъ къ Семену Лукичу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОДОЛѢЧЕВНИЦА

Д-ра ОРФАНОВА.

Тверь, Козьмодемьяновская ул., соб. домъ.

Лѣченіе болѣзней нервныхъ, внутреннихъ и женскихъ

водой, электричествомъ, массажемъ и свѣтомъ.

Вспрыскиванія „606“ по способу профессора Эрлиха,

лѣченіе ЧАХОТКИ вспрыскиваніями туберкулиновъ,

алкоголиковъ внушеніемъ и — РАКА вприскиваніями
антимеристема по способу проф. Шмидта.

Для лицъ малоимущихъ дѣлается значительная уступка.

Приемъ отъ 10 до 2-хъ часовъ дня.

Содержаніе части неофициальной: Поученіе въ 18 недѣлю. —

Подвигъ (продолженіе). — Объявленіе.

Исправл. об. редактора, священникъ В. Струженцовъ.

Печатать дозволяется 27 сентября 1911 года. Цензоръ ректоръ
семинаріи протоіерей А. Надеждинъ.

Печатано въ Типографіи Н. М. Родионова въ Твери.

Трехсвятская улица, домъ В. М. Шиканова.